

ЕЛЕНА ШВАРЦ

В И Н О

**СЕДЬМОГО
ГОДА**

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММVII

Значный полет над океаном слышится
(из "Новогоднего концерта")

Еще не врач, еще не пилот,
Еще не инженер, еще не дробил,
Меня над протиском отпустило,
Еще во мне слоты и штыри,

Еще я помню свои имя и имя матери
моя.

Еще каскадом скоро слетаю,
Вернется туча в Воздухот
Велю за каскадом, Мелкошуроч
В слоты тучу.

Еще - еще
Младенца видно, он сидит,
Как спит в темноте мурлы.

И я младенца отпущаю,
И я сама себя зумал,
И я, как царь, зделал вид царя.
Оно плащом лежит за вояком...
А там уже - и с новым зумом!

Возвращаю же в фобу, слоты и штыри!
Еще я помню свои имя и имя матери
моя...

.....

Елена Шварц

ЕЛЕНА ШВАРЦ

В И Н О
СЕДЬМОГО
ГОДА

КНИГА
НОВЫХ
СТИХОТВОРЕНИЙ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММVII

Ш 33
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-162-6

© Е. Шварц, 2007

НОВОГОДНЕЕ КАПРИЧЧО

(Маленькая поэма)

1. Зимний полёт над бывшею столицей

Ещё не прах, ещё не птица,
Ещё не ангел, дух иль змей,
Лечу над пропастью столицы.
Ещё во мне слова и лица,

Ещё я помню своё имя и имя матери моей.

Ещё настанут скоро святки.
В Вертеп войду я Рождества
Вслед за Каспаром, Мельхиором
В благую тьму.
Едва-едва
Младенца видно, Он сияет.
Как спичка в кулаке пещеры.
И я младенца обожаю,
И я сама себе чужая,
И я, как царь, забывший царство.
Оно плащом лежит за входом...
А там уже — и с Новым годом!

Войдём же в дверь, стучи сильней!
Ещё я помню своё имя и имя матери моей.

Со мной безумный друг идёт,
Он — пациент, он — идиот.
В мозгу безумца
Дыра разверзлась.
И свет, и тьма туда стекают,
Влетит ли птица — умирает,
И бесы мочатся туда.
А так нельзя! Душою, силой
Противостать им до могилы,

А там — не знаю, может быть...
Но, бедный друг, не мне тебя судить.

Сверкают скальпели, ножи,
В ночи кипит врачей работа.
В больном ещё трепещет жизнь,
Но он лежит, лицо откинув,
И чистоты ручьёвой хочет.
Над ним хлопочет оператор.
(Над нами всеми так хлопочут —
Иные в белых одеяньях,
Иные в чёрных одеяньях,
И вырезают в сердце прочерк...)
А крохотное мирозданье
В моей ладони вдруг очнётся,
В руке недвижимой, коченелой
В руке немой, обледенелой.

Рассыпанной жаровней город
Внизу лежит, мы под углями
Горящими, и Бог наш с нами.
Ему иль нам — кому больней?
Лететь ли вдаль, промчатся ль мимо?
Я опускаюсь вниз кругами...

Ещё я помню своё имя и имя матери моей.

2. Мёд под Казанским собором

Марш жрецов из Волшебной флейты
И расквашенный тёмный снег.
Объятье собора чугунное
Слаще нам человеческих нег.

Бутылки битые шампани
На грязном льду седой Канавы.
Год пришёл, он слегка растерян.
Колесо повернулось, дрожит.
Что за жалобный слышится звон!

Над белым чулком Канала
Пальмовый лес коринфских колонн.

И по неровным каннелюрам
Привычно Один злой скользил,
Иль много Один (их много),
Но только лишь один из них
Скользнёт в плиту, во мглу собора,
Чтоб мёд поэзии украсть,
И в мире нет блаженной вора!
Да и утешней мёда нет,
Горчей и слаще,
Чем этот, вмиг животворящий,
В крови скользкий и бродящий,
Тебя глотающий навек.

Из крымской бутылки
Тягуче течёт,
Таится и в крипте собора
Поэзии дикий мёд.

Он в плодах и ветвях,
Он повсюду, но скрыт.
Он разлит в словарях
И в могиле зарыт.

Белый мёд дарят сны,
Чёрный — смертная рана.
Без него мне пресны
Парадиз и нирвана.

3. Забывший имя

Если забудешь земное,
Заёмное лёгкое имя
Вспомни (куда уж деться)
Небесное — скрупулом света
Оно выплывает из сердца.

Он идёт впотьмах из больницы.
Он забыл, что не помнит имени.
Птица снега точит дырку в темени.
Ангел мой, узнаешь ли Ты меня?
Он ещё жив, но потерян вовсе.
Имени тайного он не знает.
Потому он у Бога воды не просит,
И телефон его сердца занят.

4. Развлечения безумца

Каменный подарила безумцу шарик
С прожилкой экваторной нутряной.
Его в больнице он завертит
Как демиург наш шар земной.
И станет отменять он смерти,
Из камня друга позовёт.
Земля вдруг вздрогнет и запнётся,
И всё пойдёт наоборот.
Вселенная с ума сойдёт.
Смешатся бред и вдохновенье,
Затянет небо ткач-паук...
Покуда боги не очнутся
И шарик выдернут из рук.

5. Танец с тенью

В сквере зимой
Па-де-де исполняют
Только хозяин-Полкан
И хозяин-Белка.
В морозную ночь
Длиннобородый старик
Ходит кругами,
Как часовая стрелка.
Дама (к её ноге прикреплена такса,
Как крошечный самокат)
Подходит и спрашивает, озираясь
«А где же ваша собака?»

А он, всё так же вращаясь,
Указывает — «тень».
Посолонь он вертётся,
Вздригнет и — замрёт.
Но ждут, замерзая, птицы,
Что он назад повернёт.

6. Марш времени

Подобно Сусанину Время нас водит,
Подобно Сусанне блазнит и глумится
Над старцами, нами, и в руки не дастся.
То петлёй изогнётся, то забредит, забродит
Квашнёй.

С тех пор как империя пала — неровным
Время стало рассыпчатым и сумасбродным,
Время стало почве природно —
Руды с вкраплением, если угодно.

Пространство-время — Андрогин.
То год как день, то день как год,
В котором странные пустоты,
Провалы, тёмный мёда сот —
Всё поглощает чёрный рот.
Вампир невидимый нас гложет
Во сне. Томительно проснуться,
Почуяв убыль — улыбнуться
Вампиру, Жизни.
Жертвой
Блаженно быть.
Нас отделяет от безумья пелена,
Плева
Меж зёрнами граната.
Она же
Мерцает тускло меж мирами.
В её овал прыжок — не за горами.
Марш жрецов из масонской Флейты.
Поживи на высокой горе!
Ты узнаешь, как сладко гореть.

Быть свечой в самом нижнем мире,
Задуваемой детским ртом.

Безмерностью время больно,
Изъедено, изъязвлено.
Часов прерывается ход.
Кристалл чужой вошёл во чрево
И вечность там, как плод, растёт
Или цветочек из-под льдин.
И поезд объясняет так
Колёс о рельсы перестук:
Пространство-время — Андрогин.

7

Лопнула душа стручком:
Новое «я» кружится
Спутником тела.

Затравленным бычьих,
Отстраненным птичьих
Глаз
Движеньем
Озираюсь.
Вижу круг земной,
Циферблат,
Тонет он в дымящемся море.

Кто изменился весь насквозь,
Кто этих злых метаморфоз
Узнает радость-Боль,
Швыряет в безымянность неба
Имён родимых соль.

Я на чужой корабль всхожу,
Плывя среди ледяных морей.
Как хорошо забыть мне имя
Моё и матери моей.

январь 2006

Для нежности больной звериной,
Для поступи её тигриной
Нет смерти, старости, стыда.
Заклеить сердце бы как обруч,
Пускай не прыгает туда
Подобно циркачу. Спасенья
Нет от неё, нет исцеленья.
Она растёт вокруг сердца дико
Как внутренняя повилика.
Так мать-сиротка возле гроба
(Вся в мокром шёлке её утроба)
От жалости звериной ноет
К младенцам кротким и усопшим,
Доверчивым к судьбе и смерти.
От едкой нежности всё горло слабнет,
От жадной жалости всё сердце зябнет.

6 октября 2004

О ТЩЕТЕ ЗАПАХОВ

Юга цветы на звёзды дышат
У какой-то иллюзии в лапах.
Не в силах излить душу —
Они источают запах.

Мелкий кустарник дышит причудливо —
Будто в течке облили его кошкоптицы.
Каждый цветочек хочет излиться
И выболтать суть свою звёздам иудливо.

2004

СУМЕРКИ НА ГОРЕ ИСКУШЕНЬЯ

Гора похожая на вал,
Морской девятым вал.
И там монашенка одна
Выходит на обрыв одна.
Она покинула Россию
И Петербург.
И я её не то, что знала —
Один был круг.
Она когда-то рисовала,
Но полюбила монастырь...
Она давно уж зачитала
Всю книгу Сумерек до дыр.

Тишь так кричит в горах йудейских.
Звезда дрожит, проколов небо,
Вот уже сорок дней
Не видал ни воды, ни хлеба.
Он сидел, изнемогши у камня,
Но вздрогнул вдруг от трепетанья эфира —
Выгустился из сумерек синих
Тот, кого знал до сотворенья мира.
Друг на друг смотрели глазами и не глазами,
Синева сияла. Им было тесно...
Но монашка всегда читала
Книгу Воздуха только до этого места.

16 октября 2004

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ И ЗЕРКАЛО

Опять вуаль заволочла
Ночное зеркало Земли,
И все земные зеркала
На миг померкли изнутри.

Под амальгамой лёгкой шёрсткой
Провеяло, слегка косматой.
Лицо же в нём серей извёстки —
Двойник затмившейся Гекаты.

И в этот миг как будто дрогнули
Все отблески и отраженья.
И зеркало в лицо смотрело
В настойчивом оцепененьи.

28 октября 2004

МОСТ ВО СНЕ

Я видела во сне крестовый мост —
Андреев крест над тёмною Невою.
Шли по нему на Охту, в Летний сад,
На Крепость или просто за водою.
Одни шли к пустоте или забвенью,
Те к Будде, те к мечети шли,
Суворовцы шли ночью на ученья,
Мешки холщовые несли.
Им снились сны о злой подводной тине,
С китайской надписью конверт.
Им снился Бог, лавирующий в льдинах,
Летящий мимо, знающий Корвет.
Он с полюса шёл, отряхая
Пыль ледяную со снастей.
Всё замерзало, лубенели флаги
С нашитыми скрещёньями костей.
Шли по мосту вороны рваным строем,
И люди шли на восемь разных стран.
И только в сердцевине и скрещёньи,
Вращаясь и взирая на строенья,
Зелёный замер Истукан.

31 октября 2004

Разрослой клубникой
Сердце сладеет,
Или проглоченным угольком
Тихо в углу своём тлеет.

Сердце то будто тихий дождь идёт,
То рассыплется связкою порванных бус,
То барабанною дробью
Зайдётся,
Под которую
Смертный номер
Сделает даже трус.

Это — подрёберная чечётка.
Крохотные чьи-то пятки чётко
Стучат, степ кто-то живой бьёт.
Идёт под него человек веселей
И на голгофы госпиталей
И старости эшафот.

12 января 2005

ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ

Когда я умру —
К земному ядру
Мотыльком на свечу
Полечу.
Фонтан, лепечи!
О ключ, играй!
Там в утробушке
Горький рай.
Жаркий рай.

Мы живём на горячей земле,
В чёрном небе скользим на юру,
Мы живём на бильярдном столе
Среди звёзд, что несутся к невидимым лузам,
К раскалённому в гневе ядру
Вниз — не вверх — подсказали мне Музы.

Восемь. Урания (дева небесная)
На галактических светах,
На холодных бенгальских
Унеслася туда, где гуляют кометы.
Остальные спустились в нутро,
Где и Муз и людей переплавит ядро,
Где из грязи мы выйдем в князи,
Потому что и дом наш — огонь
И деревья — огонь, и сами мы — пламя,
А ядро —
Это пламени семя.
Не оттуда ль на Пасху
У Гроба Господня огонь, воздымаясь, змеится
Холодный, утешный, отмывный?

Музы, сказали вы мне:

Там в ядре, там в огне выход есть, оркестровая яма, раёк,
славный рай.

Так вскипай же, мой ключ, мой подземный, шепчи
и играй!

14 января 2005

ЛАМЕНТАЦИЯ

(На тайландское цунами)

Тигриной лапой Океан
С пушистой кисточкой между когтей
Провёл по берегу и ласково, и хищно,
Стремительно, коварно... и детей
Тащила смерть-рыбарь сетями, не считая,
И ликовала, города глотая.

Стихии вырвались на волю,
Их даже Богу не сдержать.
Земли зашевелились мышцы,
На ней теперь не устоять.

И ты, Огонь, как кровь проступишь
Из-под кожи сухой дерев.
Вот возгремел нам Божий гнев.
И не отмолишь и не купишь
Прощенья нам уж никогда.
Горою вздыбилась вода,
И воздух как отлив отхлынул
Куда-то к звёздным неводам.
Господь в начале приходил
В водовороте звёзд и Сил
Ради одной души. Одной...
Куда же все они сбежали
И кто нас ловит в страшну сеть?
Мы ничего уже не значим,
Нас как песок ссыпают в смерть.

24 января 2005

Посыльных можно в смерть послать
Вперёд — с пожаром, наводнением —
Чтоб тяжесть больше не таскать,
Умчаться беззаботной тенью.
Любимых книг полки и полки
И фотографии и камни,
Что очень пригодятся там мне.
И вот уж ждут меня уже
Там на девятом этаже
В небесной горнице, и даже
Старинный бабушкин буфет
С резною дверцей
Там очнётся,
Он, впрочем, и не нужен там —
Не деревянен, бестелесен...
А просто бедная душа
В него по первости зайдёт,
Как в детстве, в прятки что ль играя,
Пока о жизни не забудет
Безвещного в предверье рая.

4 февраля 2005

РОЖДЕСТВО НА АВЕНТИНЕ

1

Сочельник сумрачный на Авентине.
Невзрачный там за Тибром Рим.
И древность смрадная оскалилась в гордыне
Молчанием живым.

Молчанием живым, но источимым
Каким-то общим ветхим ртом.
О, лучше бы мычали или ныли —
Чем тот немой и бесконечный гром.

К полуночи торопится народ —
И я за ним — во храм святой Сабины.
Немногие. Здесь мало кто живёт —
На ледяном бесснежном Авентине.

Я на чужбине. Я совсем чужая.
Монах мозаичный во мраморе замёрз.
Облатку ломкую с трудом глотаю,
Тревожа языка шершавый ворс.

В углу вертеп. Звезда на полотне.
Вол и осёл в уютности убогой
Папье-маше. Младенец в полусне
Ещё в себе не вспомнил Бога.

Но помнит Бог. И он повсюду здесь,
Ещё не свыкшись с телом, с сыном.
И в полночь колокол поёт благую весть
Над Тибром и бесснежным Авентином.

2

В убогой комнате,
В унылом пансионе
Я провела недели две
На Авентине,
Внимая в зарослях зимующей сове.

Из померанцевых садов
Взирая вдаль,
Я думала, что где-то здесь
Укрыт Грааль.
Намек ли это Пиранези,
Сей ловкий фокус —
Что то, чего не может видеть —
А видит око.
Собор Петра нельзя там видеть,
А вот он весь!
И это означает — нечто
Сокрыто здесь.

22 февраля 2005

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ДВОЙНОГО САМОУБИЙСТВА

Клейст —
Имя его — потаённый крест.
Клёст — птица певчая,
У ней скрещённый клюв.
Он связал себя нитью крепкой
Кровавой, намертво свив
С возлюбленной,
Пулю ей в сердце вдув,
А себе — храм головы разгромив.

А если с крыши кинуться вдвоём
С высокой, за руки держась,
Не расцепляя в смерти пальцев
И чувствуя и ужас и любовь.
В одно крылатое создание превратиться?
И только смерть — она ведь математик,
Она разделит, раздробит
На два, на две...
Да, математик,
Но с изъяном в голове —
Она не научилась
Сложенью или умноженью.
А только вычитанью и деленью.

Лететь бы вместе вниз иль вверх
Мгновенье, нет, о целый долгий век.

Блаженный и отчаянный полёт,
В котором с хрустом
Жизнь вдруг расцветёт.

27 февраля 2005

ДРАКА НА НОЖАХ

Неделю вот уже вокруг меня
Смерть прыгала и ласково смеялась,
Вила петлю, во сне ко мне являлась.
Я ей сказала: «Погодите малость.
Я и сама не прочь
Укрыться с вами в бархатную ночь,
Но больно вы развязны, ваша милость».
Когда б она тотчас же скрылась,
Ушла в засаду, в водке растворилась,
То сердце ей моё легко б открылось.
Открылось бы, разверзлось, взорвалось...
Но нет. Она всё тут. На кухне я ножом
Какой-то овощ к ужину кромсала,
Но вдруг она подкралась и ужом
Затылок ядовито облизала.
И тут я обернулась. Лезвиё
Вонзила в воздух акуратно,
И что-то ойкнуло, и в воздухе ночном
Вдруг расплылись, забагровели пятна.
«Ты мне ребро сломала, вот ужо!» —
Так пустота вопила под ножом.

13 марта 2005

ВЫСТРЕЛ

С такую лёгкостью в теле проснулась —
Будто я вчера застрелилась
Вишневой косточкой...

Всё же косточка попала в цель
(Хоть и не было там светло) —
В красную землю, лепестков метель,
В благодатную занесло.

Она упала не в путь проезжий
И не на камне,
И машет белыми руками
И цветом снежной.

В самом деле (экое дело!)
В сердце что-то цвело и белело —
Сакура там расцвела.
Все — вплоть до самой малой кровинки,
Замирая, дивились этой новинке.
Vita puova болела,
Vita puova бела.

2005

**ИМЕНА ЦАРЕЙ,
ИЛИ
ТОНКИЙ СОН**

Звезда над ними клонит голову,
И круглолобее вола,
В издревле стойло ей знакомое
Как зверь и пастырь их гнала.

Я с юности знала трёх странных царей имена —
Три царственных странника — юный, и средний, и старый...
Но в книжице этой старинной Гаспар
Был назван иначе — Йаспаром.
Лениво читала я книгу о чудных царях,
Как шли они к точке одной с трёх сторон кругозора,
Как нить путеводную им размотала звезда,
Себя истощая, с царей не сводящая взора.
Лениво читала о том, что дарили они —
Шары драгоценного ладана, смирну, золотые монеты.
И там толковалось — что знаменуют они
И чем обернётся всё это.
Задумавшись я посмотрела окрест
(А финское море сверкало очами своими золотыми),
Звезда уносила в груди своей крест...
Нет, не зря изменилось то имя:
Гаспар на Йаспар — кто-то рядом сказал
(Иль это был тонкий сон?),
Начальное «Йа» да «Б» — Бальтазар —
Инициалы священных колонн.
А что ж означает тогда Мельхиор?
(Как медленно строится храм!),
И буквы внезапно менялись местами,
И имя плясало — Хирам.
А финское море своё серебро расшвыряло,
Звезда уносила свой крест.
И сердце пустое моё узнавало
Забывшую тайну, пока я смотрела окрест.

август 2005

**СОЗВЕЗДИЕ ЛЕБЕДЯ,
ИЛИ СНЯТИЕ С КРЕСТА
НЕБЕСНОЕ И НЕЗАВЕРШЁННОЕ**

Я смотрела на звезду, понимая,
Что между нами длинный канал.
Руки поднять и скользить туда, где она, сияя,
Нервничает, как ночной вокзал.

Пока я смотрела — небосвод кружился
И качнулся, сдвинув на пядь её,
Она была позвонком предвечного
Горнего ледяного распятия.

Млечный полог чуть колыбался — там какие-то тени
Из крыльев лебяжьих гвозди, плача, тянули.
Но вдруг замерли, оцепенели,
Все в полёте чрез чёрное небо уснули.

Называли ведь «Лебедь», но это ли птица?
Руки надломлены... Глуха высота.
Начинается — но века оно длится —
В скорбном небе — снятие со креста.

6 сентября 2005

ОБЫКНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Шёл по Варварке чернец Варлам,
Сзади шаги. Хлоп по плечу — тоже чернец
То ль с бородавкой, то ль с родинкой над губой.
Говорит: Поедем ко Гробу Господню!
Когда?
— Сегодня!
— Поедем, что ж!
Сели на телегу — сначала в Литву,
А оттуда потом на коне в Москву.
Как звать тебя, брат?
Сегодня Григорий,
А вчера и завтра —
Димитрий.

2005

НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Под лимонным кислым деревцем
Стынет завтрак Бонапарта,
Он смутен, океан неспокоен.
Он говорит *a parte**
«Пьяной саблей звеня,
Смерть шла впереди меня,
А теперь норовит встать за спиной,
Ядовитой плюёт слюной».
Вдруг он видит — в его огород
Бык забрёл и нашу капусту жуёт,
— Граф, подайте мне дробовик.
Он прицеливается в лоб —
С грохотом рухнул бык.
«А! рука тверда пока. Сегодня быка,
А вчера козлят (правда, стонал козлёнок,
Когда на кухню несли). А позавчера — поросёнок.
Словно смерть ещё,
Пьяной пулей звеня,
Летит впереди меня».
Умиrotворённо глядя вдаль,
К чайной чашке приник,
Сам выпитый роком, жёлтый,
Насупленный Смерти двойник.

6 ноября 2005

---

* *a parte (um.)* — в сторону.

КИТАЙСКАЯ ИГРУШКА — ЛЕТО, ЗИМА

Людмиле Березиной

1. Зима внутри лета

2. Лето внутри зимы

Как сладостно, отрадно знойным летом
В кустах смороды разогретых
Читать о кораблях во льдах,
Торосах, вьюгах, полюсах
И мужественных снегирах.
Зимой небо сизо
Как горла сизарей,
Что жмутся на карнизах,
Когда дохнёт Борей.

В благоуханьи вянущего сена
Я вспоминаю буйного Нансёна,
Его корабль «Фрам», чьё даже имя
Хрустит, как будто валенки по снегу
(Фрам-фрум, хрум-хром),
И сполохи над бесконечным льдом.

Корабль весь замёрз — от клотика до киля,
Льды медленно влекут его куда-то.
От пенья птичьего очнусь — зима умчалась.
И не корабль, а туча лиловата
Куда-то душу ветрено манила.

Всё это я пишу в мороз,
Глаза пронзающий до слёз,
Мечтая будто знойным летом
В кустах смороды разогретых
Лежу я с книгою в руках
О злых морозах и снегах.

6 февраля 2006

ДВА РИСУНКА ПЕРОМ

1

Такое ясное отчаянье —
Как будто осень наступила
И впрыснула в стволы деревьев
Старинные свои чернила.
И в диких утках пролетающих
Орех чернильный прел, марая.
Так здравствуй стан всех погибающих,
Сказала я, будто играя.
Упала первая пороша
На дальний путь, как порох серый,
А уголь, что в ладони мёрзнул,
На кромке облака стал белый.
Один лишь взмах карандаша
Крест-накрест — вот твоя душа.

2

Кораблик в море Галилейском
С одною мачтой, с тонкой реей —
Как бы скрещенье двух травинок,
Двух стрел — любовный поединок,
Как будто бы под небом реял.

В весенний полдень это было —
Как будто так всегда бывает,
Как будто бы апостол Пётр,
Где бы он ни был, посылает
Вместо своей ладьи на лов
Нагой корабль без парусов.

27 марта 2006

КАРТА ТАРО — КОРОЛЬ ЖЕЗЛОВ

Борису Аксельроду

Тот, кто на свалке антрацитных
Огромных чёрных роз стоял,
Процветших вдруг на пепелище
Из крови книг и одеял.
Тот, у кого трещал пожар
В доме, резвяся, рос.
Кто горьким пеплом чёрных роз
Кропил главу свою,
Тот если не сошёл с ума
В отчаянье суровом,
То стал чертогом для огня,
Телесным искр покровом.
Внутри него горит огонь,
Всегда гудит пожар,
И если вытянет ладонь —
С неё слетает луч.
И саламандра, вся звеня,
Ко мне бежала из огня,
И мне ручною стала
Простая ящерка она,
И я пригрела гада.
Кто выпил весь огонь до дна,
Тому воды не надо.

5 апреля 2006

ТОСКА ОСТАВЛЕННОСТИ

Страстная Пятница. Дождь безнадёжный.
День без Бога, и завтра ещё один.
Торопливо плывёт, растворяясь,
Обречённый выводок льдин.
Так язычники — их бога топили
А волны чурбаном уже играли —
«Выдубай, Перуне!», — вопили,
Он тонул, и они умирали
От тоски безвоздушной.
Мир покинут.
Молитвы не протыкают неба.
Даже ворон не щиплет хлеба...
Господи, как без Тебя душно.
Шепчется, шепчется горячо в воздух
Такой плотный — хоть кусай:
Вылезай скорее из брюха смерти,
Выдубай, Господи, воскресай!

пятница, 21 апреля 2006

КОЛЕЧКО, УТОНУВШЕЕ В ЩУЧЬЕМ ОЗЕРЕ

И колечко соскользнуло с бирюзой
С пальца в озеро и кануло на дно.
Это было, это было так давно
Что об этом позабыл и ангел мой,
Тот, кто, бедный, должен помнить всё,
А не то, что память сонная моя,
Та, что если помнит что — не верит
И тому, что помнит, только мерит
Глубину забытую свою.
(И я не дож, и Щучье не Лагуна,
Но обрученье сердца человека
С кембрийской дикой глубиной
Случается от века и до века.)
Бирюзовинка моя,
Как дробинка в теле зверя,
Там на сердце вязком, в иле,
Или твари там придонные
Ею деток веселили.

1 августа 2006.

Феррагоста. Комарово

СМОТРЮ НА ГОРЯЩИЙ СОБОР

Светлой памяти Марины Георгадзе

Чем утешить милых мёртвых? всё гадала,
Чем одаришь? — хоть молитвой — хрупкий дар.
А вокзальный свод собора
Был прохладен, тёмен, стар.
Сорокоуст я заказала.
Едва ушла, во храм вошёл пожар.

Заметались над собором золотые знамена,
Синий купол изъязвила золотая чешуя,
И когда слизнуло пламя
Внешний голубой намёт,
Стал собор похож на клетку.
Петел-Феникс там цветёт.

Трещал, скрипел
Терновый куст,
И пелся в нём
Сорокоуст.
Заходила по золоту
Волнами тьма,
И как будто бы космами
Жар выходит Ума
Из макушки огромной.
Покачнулся фонарь,
Рухнул крест в дым и гарь.
Быстро и резко.

Довольным хамелеоном —
То в жар, то в зелень — огонь
Переливался, пока наконец
Не зацвёл на шее собора
Чёрный терновый венец.

А потом вертолётник
Водянистым пером
Обведал хлопотливо
Божий дом...

И зловещего Нерона
Мне открылась правота —
Умножается от гнева
Всех творений красота.
Всего тленного мнимость,
Совершенства земного увечность
Искупит неповторимость,
Сестра её — быстротечность.
И стоит теперь наш храм
Как античная руина,
Будто к дому подошёл
Призрак Рима.

25 августа 2006

СОЗЕРЦАНИЕ ДРЕВА СЕФИРОТ

Пылает над гнилым Заливом
Созвездье Древа сефирот
(А может, Зверя сефирот?)
И в доме сём многоочитом
Полузабытый Бог живёт.
Круглы прозрачные щеколды
Твоих ворот.
Воздвигся дом о десять окон
И каждое — как вскрытый кокон,
В нём червь и свет.
Как фокусник,
Играющий шарами,
Бог ель воздвиг,
И к нам она растёт.

А мы лежим в глухом подвале
Как в мамертинской злой тюрьме.
Как неизвестно чья монета
В висящей над бомжом суме.
Зерном в гниющей оболочке,
Цветком в слабеющей уж почке,
Чей корень вверх ползёт.
И всеми щупальцами сразу,
Пробившимися вдруг в комле,
Он присосётся к лучшей Высшей,
Просеянной во свет, земле.

И пусть мы в глубине простёрты,
Но из груди у нас растёт
То древо, чьи плоды как звёзды,
Как яблоня в хороший год.

3 сентября 2006

ПОХОРОНЫ РИФМЫ

Мне рифму жаль. А как она была
Услужлива, пророчлива, мила!
Болела долго, умерла.
Гуляя во измайловских дворах,
Я будто бы брела у ней на схоронах.
Немногие её, бедняжку, проводили,
Волос не рвали. Не вопили.
Но вдруг она воспряла. Сразу
Открылись медленно её четыре глаза.
Но жизнью просиял один лишь только глаз.
— Отец мой Ритм, он не оставит вас.
И отвернулась вся в слезах.
Скисал октябрь в измайловских садах.

Сегодня небеса как светлое болото,
В котором утонуть не страшно отчего-то.
В саду таится деревянный театр,
В котором призраки танцуют па-де-катр.
К стене приклеены две горбоносых маски,
Глядящих весело на струпья старой краски
Светло-сиреневой. А за стеною зал,
Где запустенье правит бал.
Он мой двойник, подобна я театру,
В котором призраки твердят всё ту же мантру.

Какое светлое болото это небо!
Ах, к рифме так привязчива потреба.
Хотя она, как мнится, устарела.
Но говорила — что сама хотела.
Её подбрасывал как карту Аполлон,
Но вот поэзия истаяла, как сон.

Зажигалка прозябла нежным синим листком.
Будто с древа упал, напоённого светлым огнём.

Жизнь завершается, чужда и бестелесна,
Каким-то вокруг эго ходом крестным.
Как обруч катится над бездной,
Гонима хворостиною небесной.

1 октября 2006

УТРО, ПЕРЕХОДЯЩЕЕ В ВЕЧЕР

1

Как велика, честна моя награда!
Едва проснусь — вскочив из-под простынь
Мне лапку церемонно, величаво
Мой подает японский хин.

И пожимаю лапу в полусне я.
И думаю не надо мне (пьянея)
Ни свежих на подушку роз,
Ни сливок от дворцовых коз.
Мой утренний levée пышнее,
Чем твой убогий, о Луи Каторз!

2

Едва проснусь — а сумерки настали,
И потемневших улиц снегопад
Мне обещает лёгкое забвенье,
Как опиум мне дарит в утешенье
Толпы многоочитой мельтешенье,
Глотающей бензинный чад.

Бреду сквозь жалостный туман
С японцем махоньким на поводке,
Как будто бы я — длинный караван,
Следов не оставляющий в песке.

15 октября 2006

Поэзия в гробу стеклянном
Лежит и ждёт —
Когда услышит она снова
Неровные шаги.

Когда к её ланитам нежным
В слезах прильнёт
Отчаянно, самозабвенно
Какой-нибудь урод
(Поскольку монстры и уроды — её народ),
И воспалёнными губами
Она поёт.

Напрасно к ней спешит безумный,
К ней опоздавший человек,
Но в инистом гробу нетленна
И беспробудная навек.

В груди её подгнил
Миндаль надкусанный утешный,
Который так манил
Святых, и нелюдей, и грешных.

Сияют ледяные веки,
Примёрзнуть бы к тебе навеки!
К тебе навеки я примёрзла,
И спим — уже на свете поздно.

октябрь 2006

КОФЕ Г-А

Зерном среди зёрен толкаясь
В воронку мельницы плыть,
Чтобы твёрдую свою твёрдость
И чёрный свой блеск избыть.

Узнает ли меня мой ангел
В измолотой во прах муке?
И мечется песок, стена —
Мельчась, дробясь в слепой тоске.

И всех вас сварят, подадут...
Ужель, душа, к тому тружусь,
Чтоб в этом горестном напитке
Чуть-чуть но изменился вкус?

10 ноября 2006

ЖАЛОБА КИНФИИ

«Чем виноват соловей — что в эпоху лесного пожара
Довелось ему согнуться в огне?
Страшно ему
В час последний,
Глаза закрывая,
Видеть, как свитки родимых деревьев
В пепел сухой обратились —
Будто и не было вовсе.
Гибель родного всего.
Варваров новых язык —
Вот до чего суждено
Было судьбою дожить.
Разве мне жаль было б жалкое тело покинуть,
Если б душа моя в свитках родимых жила?»

С жалобой этою римской свою я свивала,
Сидя в развалинах римских в слезах:
В городе сняли трамвай,
Не на чем в рай укатиться,
Гнусным жиром богатства
Измазали стены.
Новый Аларих ведёт войско джипов своих.
Седою бедною мышкой
Искусство в норку забилося,
Быстро поэзия сдохла,
Будто и не жила.

Римлянка, плач твой напрасен —
Через века возродится многое, пусть изменясь.
Ныне ж всё кажется мне безвозвратным,
Столь безнадежным, что лучше —
Хрупкий стеклянный поэзии город
Грубо о землю разбить.

2006

ВИНО СЕДЬМОГО ГОДА

Звезда вороньего помёта
Упала на стылый песок.
И как кадык у живоглота
Декабрьский дёрнулся восток.
Тогда сама себе сказала
Виноградная лоза,
Закрывая утомлённо
В почках сонные глаза:
«Моя кровь седьмого года
Будет терпкой и густой,
Но вином она не будет
И не будет и водой».
И сказал себе, плещая,
В декабре ручей:
«Мир как будто подменили
Он двойник, но чей? — ничей».
И опять себе сказала
Виноградная лоза,
Закрывая обречённо
Тёмно-синие глаза:
«Моя кровь седьмого года
Будет вечно колдовской,
Но вампир, её сосущий,
Выпит будет сам тоской».
Подменили, подменили,
Вынули из рукава,
Воровским горячим шилом
Выпотрошили слова.

23 декабря 2006

КОРАБЕЛЬ

Вот плывёт корабль по морю
Корабель-корабель,
По морю, морю, по безвидному Океану.
По правому борту — мёртвые,
А по левому — мы, живые.
Вот живой вдруг тихо-тихо,
На нечуемых ногах,
Переходит всё правее,
Вот уж среди мёртвых он.

Корабель мой корабель.
Мёртвые — легче,
Но с каждым мигом их больше.
Кренится корабль, кренится.
Тонет, тонет, скоро уж на дно пойдёт.
Жизнь ещё за борт цепляется.
Корабель мой, корабель.

5 января 2007

Ты помнишь как в снегу металась
Затравленная обезьянка,
На шейке тонкой, опушённой
Звенел бубенчик оловянный?

Замученная обезьянка
Хрипела, плакала, смеялась,
И так её мне стало жалко,
Что я с ней жизнью поменялась.

Мне будто вырезали сердце —
Зверка ввернули сердце злого,
А обезьянку — тщетно дразнит
В её потёмках проблеск слова.

14 февраля 2007

ДЕЛЕНИЕ СЕРДЦА

Японскому хину Хокку

Как будто размножили сердце,
Надвое косо деля.
И в новом и в старом края запеклись —
Два сердца неравных стучать вразной принялись.
В одной половине
Что было — то есть,
Боль, горечь, любовь
И далёкая смутная весть.
А в той, что поменьше —
Один ты, японец, живёшь,
На красном татами сидишь
И всегда меня ждёшь.
Пусть в сердце
Разверзлася рана, дыра,
Но весь этот шёлк, эта алость —
Твоя конура.
Но сердце второе
Поранили сильно, деля.
Так жаль мне тебя.
Как будто бы в муках, щенок, я тебя родила.

27 марта 2007

Иногда я забываю —
Умерла я или нет.
Да и так ли это важно —
Дальний или белый свет?
Так же, может, я забуду
И когда умру
И попробую проснуться
Поутру.
Поищу я сигарету —
Тут-то и хвачусь:
Погодите! На минутку!
Хвать их — и вернусь.
— Нет, обратно уж нельзя,
За туманами твой дом,
Ты теперь навеки за...
За большим тупым углом.
Без тревоги вспоминаю
— Я жива ещё, жива?
И душа мне отвечает:
Всё ещё, чуть-чуть, едва.

20 апреля 2007

ТЕНЬ

Господи,
Твоя тень — на все стороны света,
Она движется во всех направленьях
И по ней мы видим, что Ты идёшь,
Но куда мы не знаем.
Трепещет то тьма, то ослепительный свет.
Она движется, мечется как в лихорадке
Хвостами комет.

Всё — Твоя тень,
Звери, львы, куропатки,
Нина Заречная, Чехов,
Трубы военных побед,
Париж, Будапешт,
И Смерть, мастер на все руки, ломастер,
Трудолюбивей любой пчелы.
Не оставляющая надежд.
Но и Надежда — живая тень...

Но всё это — тени Твоих одежд.
И только святые — тень Твоя,
Хотя Ты не бросаешь тени.

2007

НОЧЬ ТЕАТРА

(Место действия — пустая сцена старинного театра)

Театр спит. Подмости глухи.
Попробуй-ка на сцену выдь —
Как бы кого не разбудить!
То вдруг кулиса шелохнётся,
Пол заскрипит...
(Тут как бы впору и завывать.)
То кто-то всхлипнет, то смеётся.

Зал будто саваном накрыт,
Но что-то там вдруг заблестело...
Как эта сцена глубока!
Ей нет предела.

Стояло столько здесь фальшивых стен,
Что зданье будто стало мнимым,
Как бы само себя играет,
Вдыхая духов-пилигримов.

Заколотый на авансцене
Тупой рапирой прямо в глаз,
Актёр привстанет у кулисы
И смотрит в вас.

Театр спит, но в его снах
Великие роятся тени,
Как бы опять живут на сцене,
Взовьётся завесь с вздохом «ах».

Так много призраков в театре,
Он скоро в Лету уплывёт,
В нём вместо лодочки Харон
Начнёт перевозить народ
На берег тот.

Театр — корабль,
Во трюме течь, он утопает...
«Лабиринт, Островский и Шекспир», —
Матрос молитву повторяет.

Хоть я жива ещё, но тенью
Лечу сюда во сне устало,
На эту сцену, где подростком,
После премьер, дрожа, ступала.

И всё мне мнится: саван зала
Качается — там одноглазый
Сидит и смотрит странный зритель,
Изъеденный веков проказой.

И осеняет озаренье
Мой мозг под чепчиком седин:
Актёров, нас, тут мириады,
А Зритель он всегда один.

4 мая 2007

КОСМИЧЕСКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Там, за звёздами дышит крылатый
Одноглазый ребёнок-старик.
Он просфору горячую солнца
Умирая кладёт под язык.

И пока выпекается снова,
В небе тихо, печально, темно.
Отдаёт человеческой кровью
Безвоздушных бутылок вино.

9 мая 2007

СЕЛЬВЫ¹ ПОЗДНЕГО ЛЕТА

Введение в сельву

О. С.

Едва на этом свете появившись,
Я заблудилась в каменном лесу.
А ведь бросала маковые зёрна,
Чтобы домой дорогу отыскать.

Когда произношу я слово «сельва»,
Я мимолётно вспоминаю вас
И думаю о том, что между нами
Всю жизнь идёт бесшумный тёмный дождь.

Как много в сельве путаных тропинок,
И заблудиться просто неизбежно,
И со свечою днём проходит инок
Савонарола пламенный, мятежный.

Но захватил Лоренцо хитроумный
Моток с собою шерстяной багряный,
По алой нити путь домой отыщет —
Хотя бы мёртвый и хотя бы пьяный.

Сельва поезда

А поезд всеми позвонками
Прозвякал в гибельную тьму.
А тот сидел, гусинолапо
Держа холщовую суму,
Простую синюю суму.

---

¹ Жанр ренессансной поэзии. (*Selva (ит.)* или *Silva (лат.)*) — лес, роща с запутанными тропинками. В этом жанре работали Анджело Полициано и Лоренцо Великолепный.

Один на выжженном перроне,
Ненужный больше никому.
А что в суме слегка блестело,
Известно Богу одному.

Вейся, сельва, вейся!

Протрясся поезд через мост,
Звеня хребтом своим зелёным,
И мост ответил затаённо
Дрожащим долгим-долгим стоном —
О том, что он ни там, ни здесь.
Ни левый берег и ни правый
Не стоят длинной переправы.

И поезд видит, что река
Из облак входит в облака.
Исток её — туман,
А устье — алый мрак.
Льётся серебряная руда
Из никуда и в никогда.

Вейся, сельва, пьяней!

Тихим светом провеяло
По вагонам летящим
Сквозь рядно крупнопорое
Из припрятанной чаши.

А тот, сидящий на перроне,
Сидел, поникнув головою
На длинной на гусиной шее,
Уже и вовсе не живой.
А вот в суме его нашли
Сияющую мраком чашу.

Её название не ведать лучше никому.

Вейся сельва вейся,
Веди меня!

А поезд мчался через лес,
И что-то на боках светилось,
Как будто чаша заразила,
Как будто чаша окропила
Его немеркнущей водой.

Как будто семена летели,
И все, кто был в её метели
И кто внутри железной туши,
Задумались не о своём.
Вода в стаканах чуть звенела,
Чуть заалела, покраснела,
Она, видать, не позабыла,
Как свадебным была вином.

Сельва зноя (Сиверская)

Как два самолёта —
Ведущий-ведомый,
Мы с ангелом шли
Тропой незнакомой.
Мы с демоном Зноя
Брели по дороге,
Его же не ведали
Имени злого
Ни греки, ни римляне.
Оредеж вился,
О камни звенел,
О пороги дробился,
И уток семья
Воду взрезала остро,
Приводнившись, как звёзды
Медведицы Взрослой...

Как далеко зашли мы, сельва, в дебри.
Нам не найти уже пути обратно,
Хоть мы бросали маковые зёрна,
Но видно, жарким ветром унесло.

Мне вспомнилось — как бы в горячем мёде
Стоял обломок древней той оливы.
От ней одна кора морщинистая зыбкая
Стоит столпа обломком в Гефсиманском
Непроходимом путаном лесу.
Когда апостолы уснули,
Когда и птицы замолчали,
Не задремало только древо...

Господь его и не заметил.

А косточки оливковые горьки,
А косточки оливковые знают —
Неотвратимость не перемолить.
А отвратимое преломится само.
Серебряные ворсистые чуть листья,
Вас, дети, не увижу я.

В обломке столпа туманное
Стояло облако неясное.

О, шуми, сельва, лес, шуми.

Как дети, в розовых корытах лёжа,
Ни страха не ведают, ни сомненья,
Так и деревья...

Оредеж, плещись, сирена, плачь,
И селезень, как маленький дракончик,
Привстав с воды, распростирает крылья,
Как герб на движущемся доме Жизни
И знак отваги беспомощной твари.

Так далеко мы заглянули в лес,
Что нашу песнь никто и не услышит
Как листьев шум никто не понимает,
Так и её деревья лишь поймут.
Ведь мы бросали маковые зёрна,
Но демон зноя — злой, золотоусый
Их иссушил, и нет пути назад.

Сельва больничного сада

Серые листья больничного сада
Сами больны.

Докучные птицы их навещают
(Вялый оранжевый барбарис
Хочется клюнуть).

А лечит их ночь —
Синий наденет халат
И режет луной
Всё дышащее подряд.

Скопищем языков шелестящих
Кажется сад из окон
Тому, кого обвил
Бинтовый кокон

Гравий дорожек
Чмок-чмок,
Целуя следы
Волочащихся ног.

Лисий блеск в глазах сестёр,
Выплеск ушата в унитаза.

Это всё про других, не про нас.

В саду стонали или шамкали —
«Как будто вовсе без ума мы».
А те, кто болен одинаково,
На миг срастались зрачками.

Вялого хочется барбариса.
Это всё про других, не про нас...
Выходя из наркоза,
Язык поднимается к нёбу
И понимает — я жив.
А потом уже себя вспоминает —
Всё сплетение вен и жил.

Шелест листьев, кустов —
Будто клавиши пианино,
А играют на них
Астма, боль, скарлатина.
(Сон тяжёлый в палате
Вялого барбариса мне бы).
Молитва не долетает до потолка,
Но достигает неба.

Что всё тоска?
Радость больницы воспеть хочу,
Холод разъятой надежды
(Что иногда сбывается).
И тогда сад за окном,
Пошатнувшись, хватается за решётку
И как пьяный, ликуя, качается.

Сельва неба (выход)

На карте неба много мест пустынных.
Но есть так звёздами засеянные густо,
Как молодая роща...
Иди же взгляд к той толчее дроблёной,
К размолотым жемчужинам,
Где из широких штанино-юбок
Так долго выбивает Кассиопа
И млечную и серенькую пыль...

Спеши же в сельве неба заблудиться!

Там астронавты, эльфы, демоны и нелюди
Как патрули летают, всё губя,
Берегись, чтоб Стрела, летящая в Лебеда,
Не убила тебя.
Чтобы Гидра тебя не заметила,
Не всосала мраком повитая труба.

Нет уединения в небе.

Иди на эти торжища и рынки,
В сад померанцевый —
К рассыпанным монистам
Серебряным.
К деревьям, вниз растущим головой,
Как Иггдрасиль.
До их корней добраться б! Только толку
В том нет — там новые безлюдные сады.

9 августа — 9 сентября 2007

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ ЭВЕРЕСТ

Когда я в бездну жизни собственной гляжу —
Чего я только там не нахожу:
Как бы в разверзшейся воронке под ногами —
Что было так давно, что было с нами,
Что там со мной и что не повторится,
Всплывают тьмой изъеденные лица.
И разгребаю выгнутой стопою
Осенний сад, где были мы с тобою.
Я рисовала, ты смотрела на меня,
И листья реяли, вином своим пьяня.
И Хлебниковым, скажем, опьяненье,
И аппарат «Любитель», и стремленье
Страдать за всех, за всех и больше всех,
И одноклассница Вовк-Курелех.
Вот прошлое, похожее на свалку,
Гудит, царапает, и мне его не жалко.
Как будто бы несчастные у рынка
Три продают непарные ботинка,
И горсть забытых снов, и замшевую куртку...
Там жалю я ладонь огнём окурка.
Зачем же я на берегу весь этот хлам ужу?
Он обречён огню, он обречён ножу.
Всё кажется, что отыщу я там
Совсем забытое, завидное богам.
Затем, что там мой рай, а здесь — внезапный ад,
Мне боязно забыть родной погасший взгляд.
Зачем дана вся эта бесконечность
Адаму, мне как некая увечность?
Зачем внизу зияет Эверест,
Куда всё валится, что вижу я окрест?

СОДЕРЖАНИЕ

Новогоднее каприччо (<i>маленькая поэма</i>)	5
О тщете запахов	12
Сумерки на горе Искушенья	13
Затмение Луны и зеркало	14
Мост во сне	15
«Разрослой клубникой...»	16
Подземный огонь	17
Ламентация (на тайландское цунами)	19
«Посыльных можно в смерть послать...»	20
Рождество на Авентине	21
О преимуществах двойного самоубийства	23
Драка на ножах	24
Выстрел	25
Имена царей, или Тонкий сон	26
Созвездие Лебеда, или Снятие с креста	27
Обыкновенная встреча	28
На острове Святой Елены	29
Китайская игрушка — лето, зима	30
Два рисунка пером	31
Карта Таро — король жезлов	32
Тоска оставленности	33
Колечко, утонувшее в Щучьем озере	34
Смотрю на горящий собор	35
Созерцание Древа сефирот	37
Похороны рифмы	38
Утро, переходящее в вечер	40
«Поэзия в гробу стеклянном...»	41
Кофе Г-а	42
Жалоба Кинфии	43
Вино седьмого года	44
Корабель	45
«Ты помнишь как в снегу металась...»	46
Деление сердца	47
«Иногда я забываю...»	48
Тень	49
Ночь театра	50
Космическое причастие	52
Сельвы позднего лета	53
Перевернутый Эверест	60

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- С. Кекова.** Короткие письма
- В. Салимон.** Невеселое солнце
- И. Лиснянская.** После всего
- Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов.** Лепет
- А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский.** Праздник
- В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- В. Дроздов.** Стихотворения
- Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков.** Стихотворения
- Д. Новиков.** Караоке
- И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров.** Парафразис
- Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон.** Красная Москва
- В. Зельченко.** Войско
- Б. Кенжеев.** Сочинитель звезд
- А. Битов.** В четверг после дождя
- Л. Лосев.** Послесловие
- И. Лиснянская.** Ветер покоя
- В. Гандельсман.** Долгота дня
- Е. Шварц.** Соло на раскаленной трубе
- Т. Кибиров.** Интимная лирика
- В. Павлова.** Второй язык
- В. Кривулин.** Купание в иордани
- М. Ерёмин.** Стихотворения
- Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- Д. Новиков.** Самопал
- Т. Кибиров.** Нотации
- В. Соснора.** Куда пошел? И где окно?

С. Гандлевский. Конспект
Б. Рыжий. И всё такое...
П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кибиров. Among, exit...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего времени
Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова. Арии
М. Степанова. Тут — свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2
С. Стратановский. Рядом с Чечней
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кибиров. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал
Е. Шварц. Трость скорописца
Д. Шереметьев. Улика
В. Гандельсман. Школьный вальс
С. Стратановский. На реке непрозрачной
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3
А. Цветков. Шекспир отдыхает
В. Волченко. Без охраны
Д. Воденников. Черновик
Е. Шварц. Вино седьмого года

Ш 33

Шварц Е.

Вино седьмого года: Книга новых стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2007. — 64 с.

ISBN 978-5-89803-162-6

ББК 84. Р7

Шварц Елена Андреевна

Вино седьмого года

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2007

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД